

Приближающіяся времена

Какъ то почти для всѣхъ неожиданно, замирная, по-видимому трезвая Европа оказалась подъ знакомъ безумія.

Мелодіи Локарно стали заглушаться диссонансами Рапалло.

И какъ бы знаменіемъ новыхъ наступающихъ временъ въ центрѣ Европы на мѣсто бисмаркова образа Штреземана изъ ничего поднялся муссолино-образный Гитлеръ.

Не задаваясь вопросомъ — кто кого породилъ, и что изъ чего вышло, нужно признать самый фактъ: годы провозглашеннаго Сталинымъ «великаго перелома» въ Россіи совпадаютъ съ таковыми же во всей Европѣ.

Въ Европѣ ли только? Кризисъ перепроизводства въ Америкѣ съ такой же наглядностью, какъ и кризисъ національнаго сознанія въ Индіи, свидѣтельствуетъ объ огромномъ напряженіи во всемъ мірѣ.

Но нигдѣ, кромѣ Европы, нѣтъ такой исключительной психологической заостренности въ событіяхъ. Только здѣсь съ такой жуткой наглядностью ощущается судьбоносность наступающихъ временъ.

Конечно, люди изо дня въ день крутящіеся въ колесѣ повседневной политики продолжаютъ идти по протореннымъ послѣ-военнымъ дорожкамъ, почти автоматически договаривая въ сегодняшней Женевѣ рѣчи, начатыя во вчерашнемъ Локарно.

Нѣкоторымъ стороннимъ наблюдателямъ европейскаго дипломатическаго дѣйства -- весь торжественный конклавъ, учреждающій европейскую федерацію, представляется даже собраніемъ людей въ болѣзненной и опасной для окружающихъ степени потерявшихъ представленіе о живой дѣйствительности.

Другимъ, болѣе нервнымъ и склоннымъ къ паникѣ политикамъ, циничная Европа уже видится вся въ пламени

новой, на этот раз уже действительно послѣдней катастрофической, несущей конецъ всей цивилизаціи, войны.

И тутъ опять мы возвращаемся въ Москву, гдѣ вся правящая головка дѣйствуетъ, загнипнотизированная предсмертной фразой Ленина — «вамъ войны съ Европой не избѣжать».

Но вѣдь неизбѣгнутая война, значитъ съ коммунистической точки зрѣнія новая «переломная» тактика Сталина — оправданная и торжествующая.

Такъ ближайшія судьбы Россіи неразрывно вплетаются въ историческую драму, разыгрываемую другими актерами на близкой, но все-таки чужой намъ западно-европейской сценѣ.

Долженъ сказать, что до сихъ поръ ни въ какіе «апокалиптическіе признаки» въ Европѣ я не вѣрилъ, ихъ не видѣлъ. Мнѣ казалось, что конецъ войны есть тѣмъ самымъ и конецъ безумію, породившему и воцарившему у насъ ленинскую реакцію.

И действительно. Первый натискъ анархіи всюду въ Европѣ къ 1921 году былъ окончательно отбитъ, да, впрочемъ, нигдѣ и раньше смертельной опасностью не грозилъ. Россійская эпоха нэпа была только отраженіемъ той нарастающей хозяйственной и политической стабилизациі Европы, которая своей высшей точки достигла къ 1926-му году, ко времени локарнскаго сближенія Франціи съ Германіей.

Но что же случилось дальше? Почему не только Россія срывается въ пропасть пятилѣткі, но и индустриальная Европа захлестывается безработицей? Почему не только Россія захлебывается въ крови новаго неистоваго террора, но и въ Европѣ вздымаются волны гитлеровщины, а иногда и просто погромной черни? Почему длительные разговоры о разоруженіи привели до зубовъ вооруженную Европу только къ раздражающимъ мечтаніямъ о новыхъ военныхъ катастрофахъ?

Я не собираюсь изслѣдовать здѣсь со всѣмъ арсеналомъ цифръ и фактовъ происхожденіе и природу нимѣшняго европейскаго кризиса, лишь наиболѣе остро выражаю-

щаго общій переломный кризисъ, происходящій внутри всей міровой хозяйственной системы.

Впрочемъ, самое выраженіе — кризисъ внутри всей міровой хозяйственной системы — я употребляю условно, подразумѣвая подъ нимъ нѣчто болѣе широкое и глубокое: кризисъ психологической, духовно-душевной, сопутствующій рождению обновленнаго или во всякомъ случаѣ перерожденнаго міровой войной и ея социальными слѣдствіями типоваго человѣка.

Этотъ человѣкъ во всемъ подобенъ до-военному, но не сходенъ съ нимъ. Онъ переживаетъ по существу то-же, но выражаетъ свои переживанія иначе. Сейчасъ нѣтъ до-военнаго рабочаго, но нѣтъ и классическаго узаконеннаго въ учебникахъ политической экономіи образца капиталиста. Въ революціи и въ реакціи, въ войнѣ и въ мирномъ строительствѣ, въ творчествѣ и просто въ обывательскомъ существованіи измѣнилось нѣчто коренное — ритмъ переживаній, скорость реакціи на внѣшнее впечатлѣніе.

Радио и кино такъ же «раціонализируютъ» духовно-душевную продукцію нынѣшняго типоваго человѣка, какъ конвейеръ — производство автомобилей.

Двойной раціонализаціи — соответствуетъ двойной кризисъ: производственно-хозяйственный и политико-психологическій. Революція въ техникахъ своимъ перепроизводствомъ (что можно трактовать только, какъ слѣдствіе недораспределенія) поставила остро вопросъ о коренной реформѣ всей хозяйственной системы. Плановность поставлена на очередь дня и въ «сверхъ-пролетарской» Москвѣ (утопично) и въ подлинно сверхъ-капиталистическомъ — Вашингтонѣ (научно). Вся суть нынѣшняго переломленнаго состоянія мірового хозяйства заключается въ борьбѣ между личнымъ и общественнымъ въ немъ началами.

Революція въ психикѣ — создаетъ потребность въ новыхъ формахъ общественно-государственной жизни, болѣе волевыхъ и болѣе цѣлеустремительныхъ. Слишкомъ подчиненный индивидуалистической анархіи аппаратъ государственнаго управленія долженъ быть такъ же обобществленъ, какъ система хозяйства

**

Приступая къ погашенію хозяйственныхъ и политическихъ слѣдствій войны — революціи, учла ли Европа ту новую, матеріально-психологическую обстановку, въ которой ей пришлось дѣйствовать?

Можно съ совершенной увѣренностью отвѣтить: — не учла.

Въ особенности не учла Европа правящая, т. е. демократическая, ибо побѣдителями изъ войны, наиболѣе сохранившими свое хозяйство и психику вышли государства наиболѣе совершенно организованныя, какъ народо-властія.

И не показала ли тутъ побѣда свою оборотную сторону? Въдѣ именно вслѣдствіе своей совершенной побѣды

можетъ быть даже слишкомъ совершенной для безнадежно несовершенной человѣческой природы — побѣдившія демократіи стали съ особымъ рвеніемъ охранять довоенные устои, т. е. стали въ Европѣ — въ эпоху исключительно конструктивную — силой по преимуществу консервативной.

Особенно выразительна въ этомъ смыслѣ сейчасъ Франція, гдѣ въ 1930 году — случай исключительный во всей современности — государствомъ управляютъ тѣ-же самые люди, которые правили Франціей 25-30 лѣтъ тому назадъ: Пуанкарэ - Брианъ (съ прослойкой Тардье и Эрлю) представляютъ изъ себя живое воспоминаніе о временахъ уже историческихъ, ибо сейчасъ человѣчество несомнѣнно вступило въ новый совсѣмъ циклъ своей исторіи.

**

Въ этомъ разрывѣ между духомъ времени и психологіей демократій побѣдителей нынѣшняя трагедія Бриана. Своей чудесной интуиціей, онъ чувствуетъ, провидитъ основную цѣль внутренне-европейской международной политики: континентальное единство (Вспомнимъ: балканизированная въ Версалѣ Европа имѣетъ двадцать семь тарифно-таможенныхъ системъ и десять тысячъ километровъ новыхъ таможенныхъ границъ).

Роскошь внутреннихъ войнъ - междуусобій Европа мог-

ла разрѣшать себѣ въ ту законченную въ 1914 году главу исторіи, когда она была безспорнымъ гегемономъ, владыкой міра. Война оправдала во истину гениальное пророчество С. Ю. Витте. «если европейскія государства начнутъ между собой войну, они потеряютъ свое господство надъ всѣмъ міромъ и сама Европа превратится въ почтенную старушку, которую новое поколѣніе будетъ только почтительно уважать за прежнюю красоту».

Нынѣшніе вопли о «безсовѣстномъ» засиліи — финансовомъ и международномъ — Вашингтона являются лишь однимъ изъ признаковъ наступившей новѣйшей исторіи, въ которой западной Европѣ суждено быть лишь частью того новаго мірового цѣлаго, центр тяжести котораго находится не въ Средиземно-атлантическомъ бассейнѣ, а на Тихо-океанскихъ просторахъ.

Повторяю: Брианъ правильно намѣтилъ коренную и неотложную задачу внутренне-международной политики Европы — континентальное объединеніе. Но, вмѣстѣ со всѣми демократіями побѣдительницами, онъ пытается разрѣшить эту задачу, во-первыхъ, пренебрегая совершенно русскимъ вопросомъ, а, во-вторыхъ, — и эта ошибка главнѣйшая — полагая въ основаніе европейской федерации цѣль береженія, консервированія версальской Европы — Европы придуманной, и уже въ моментъ своего сочиненія несоответствующей распредѣленію реальныхъ силъ и въ Европѣ и во всемъ мірѣ.

Нельзя закрывать глаза: сталинизмъ, фашизмъ, гитлерство — все это въ значительной мѣрѣ неизбежныя слѣдствія несумѣнія (или нежеланія) демократической Европы построить свои внутренне-континентальныя, между-государственныя отношенія на началахъ справедливыхъ и исторически оправдываемыхъ. Я не буду здѣсь этого положенія, по моему и такъ достаточно очевиднаго, доказывать. Беру прямо результатъ десятилѣтнихъ попытокъ законсервировать Европу въ случайныхъ, преходящихъ формахъ военнаго перемирія.

Вмѣсто европейской федерации, о которой идутъ торжественные разговоры, въ дѣйствительности мы имѣемъ двѣ континентальныя группировки

— побѣдителей и побѣжденных (хотя въ послѣднюю входятъ Италия и Россія). А потребность сначала Германіи, а теперь и Италиі имѣть совѣтскій камень за пазухой создаетъ международную обстановку, которая искусственно длить большевистскую диктатуру надъ Россіей (со всѣми общеевропейскими отсюда слѣдствіями). Еще нелѣпѣе въ этой сам оубійственной политикѣ Европы роль Польши Пилсудскаго, которая также усиленно занимается консервированіемъ, береженіемъ Сталина въ Кремлѣ, исходя изъ положенія: «для окончательнаго закрѣпленія версальской Европы необходимо продержатъ Россію двадцать лѣтъ въ параличѣ».

Нынѣшній параличъ самой Польши, вызванный и политическимъ безуміемъ правителя и хозяйственнымъ разваломъ (къ чему послѣднее время нужно еще прибавить острое анти-польское аграрное движеніе въ Галиціи), — показываетъ по крайней мѣрѣ одно: допуская польскую ставку на русскій параличъ, державы побѣдительницы и г-рали въ руку своимъ противникамъ.

Но и въ Германіи едва ли кто либо изъ отвѣтственныхъ государственныхъ дѣятелей въ восторгѣ сейчасъ бѣтъ побѣды на парламентскихъ выборахъ сталинскихъ и гитлеровскихъ соціальныхъ демагоговъ. Какъ бы ни была психологически вымуштрована и общественно слажена германская нація, народная психологія исподволь пропитывается ядовитыми испареніями московской «идеологии».

Въ основѣ успѣха гитлеровцевъ лежатъ два чувствованія — національнаго раздраженія и соціальнаго озлобленія. Именно это анти-капиталистическое чувство рѣзко отдѣляетъ германскій нынѣшній реваншизмъ (гитлерство) отъ соціально вполне «приличнаго» реваншизма французскаго — булапжизма. Теперь даже движеніе по первоначально поддержанное и подталкиваемое королями тяжелой индустріи, проникая въ народную толпу обязательно окрашивается въ «соціалистическіе» тона. Чувство національнаго раздраженія, ушибленнаго патриотизма, не первый разъ вызываетъ въ Германіи широкое народное возбужденіе. Но стоитъ только вспомнить за-

мѣчательное время послѣнаполеоновскихъ войнъ, идейно увѣнчанное патріотической лирикой Фихте, для того, чтобы понять въ какомъ выродившемся, извращенномъ видѣ патріотизмъ проявляется нынѣ въ движеніи люмпень-буржуазіи и люмпень-пролетариата Гитлера.

Но возможна ли была избирательная побѣда въ Германіи праваго большевизма, если бы германская и французская демократія, если бы — безъ различія побѣжденныхъ и побѣдителей -- вся европейская демократія во время разрѣшила задачу мирнаго устроенія Европы на началахъ права и справедливости? Отвѣтъ ясенъ самъ собой, ибо самый гитлеровскій триумфъ случился только послѣ того, какъ уведомъ союзническихъ войскъ съ Рейна коротенькая докарская программа пересмотра Версальскаго договора оказалась исчерпанной и въ противовѣсъ большевистско-гитлеровской шовинистической агитаціи у социаль-демократическихъ и прочихъ республиканскихъ партій не оказалось никакихъ освободительныхъ лозунговъ, дающихъ выходъ патріотическому волевому напряженію. Борьба вокругъ репарацій и рейнской оккупации была суррогатомъ, подмѣной коренного пересмотра послѣвоенной структуры странъ. Разрѣшивъ двѣ эти задачи, побѣжденные и побѣдители оказались безъ практическихъ международныхъ перспективъ. Отсюда: демогагическая реакція, диктаторствующая надъ дипломатическимъ безволіемъ демократовъ.

**

*

Вотъ тутъ, пропуская нѣсколько звеньевъ въ ходѣ моихъ мыслей, я перехожу къ коренному и пугающему меня пороку нынѣшней демократической Европы.

Отбросимъ на минуту содержаніе сталинизма или фашизма (со всіми ихъ видоизмѣненіями). Разсмотримъ только темпъ и ритмъ ихъ дѣйствія, ихъ эмоціональную окраску. Несомнѣнно тутъ мы найдемъ нѣчто весьма соответствующее всей психологіи новаго, порожденнаго войной-революціей типового человѣка. И большевизмъ, и фашизмъ, и гитлерство - - движенія волевыя и цѣлестремительныя. Въ нихъ есть паѣось вѣры и энтузіазмъ творчества. Не важно сейчасъ для насъ, что вѣра ихъ изувѣрская; цѣль безцѣльная, т. е. недостижи-

мая и утопическая; творчество — разрушительное; воля извращенная. Важно то, что стремительность и напряженность диктаторскихъ движений с о о т в ѣ т с т в у е т ь по военной психикѣ. А сама эта психика въ свою очередь приспособлена къ вихревому развитію современнаго техническаго, 'вещеваго' прогресса.

Гдѣ паѡось, вѣра, воля, энтузіазмъ, цѣлеустремительность и стремительность у демократіи — политической или социальной?!. Ихъ нѣтъ. Изъ живого когда-то, волевого, боровшагося и побѣждавшаго движенія демократіи превратилась въ механику государственнаго управленія, въ распредѣлительный аппаратъ, подсчитывающій съ безразличіемъ настоящей машины голоса на выборахъ. Вѣдь весь смыслъ народовластія былъ въ утвержденіи въ государствѣ свободъ, въ защитѣ неприкосновенныхъ правъ человѣческой личности. Безъ утвержденія внѣ-сословной и надъ-классовой личности, какъ особой и неприкосновенной цѣнности въ государствѣ и вообще въ человѣческомъ общежитіи, — нѣтъ демократіи, нѣтъ народовластія!

А между тѣмъ вся исторія послѣ-военной Европы съ чрезмѣрной даже грубостью доказываетъ намъ, что демократическій аппаратъ государственнаго управленія существуетъ только по инерціи безъ одухотворяющей его волевой идеи неустанной борьбы (въ «міровомъ масштабѣ») за усовершенствованія государственнаго общежитія свободныхъ человѣческихъ личностей.

Демократія стала формальной въ самомъ обывательскомъ, плохомъ смыслѣ этого слова. Какъ чеховскій человѣкъ въ футлярѣ, она только регистрируетъ привычныя явленія жизни, совершенно безразлично относясь къ живому и всегда почти мучительному содержанію человѣческой жизни. Она утратила потребность въ прозелитизмѣ.

Можетъ быть я преувеличиваю? Не думаю. Стоитъ вспомнить, на примѣръ, отношеніе даже рабочей демократіи къ большевистскому террору или сталинскому вымариванію населенія голодомъ. Только два настоящія движенія протеста за тринадцать лѣтъ можно отмѣтить въ Европѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ социалисты отстаивали съ большимъ подъемомъ смертниковъ социалистовъ-революционеровъ. И въ прошломъ году съ еще большимъ энту-

зізмомъ вѣрующіе возставали противъ террора на религію въ СССР.

Ни разу международная демократія, какъ единое идейное цѣлое не высказала своего отношенія къ злѣйшему ненавистнику всѣхъ основъ народовластія — большевизму. Ни разу и ни одинъ корифей западной науки, литературы, политики или искусства не повторилъ ни Гладстона, ни Жореса, ни Золя.

**

Безразличіе къ режиму террористической диктатуры въ Россіи еще можно объяснить западной гордыней: «въ странѣ варваровъ иначе, пожалуй, нельзя; у насъ ничего подобное невозможно».

Но вотъ нѣчто подобное начинается просачиваться во всѣ щели стариннаго зданія европейской государственной культуры. Вѣдь если подойти со строгой мѣркой демократичности къ нынѣшнимъ западнымъ государствамъ, то настоящія-то, не «варварскія» народовластія здѣсь можно будетъ по пальцамъ перечесть. И получается странная картина: сторонники красныхъ и черныхъ диктатуръ на глазахъ у нейтральной демократіи, механически подсчитывающей избирательные голоса, открыто и откровенно борются за ея наслѣдство, за власть въ государствѣ.

**

Только что давая показанія въ Верховномъ Судѣ въ Лейпцигѣ, Гитлеръ, дословно повторяя формулу Ленина, заявилъ: демократическая машина управленія есть только средство достиженія любыхъ политическихъ цѣлей; я пользуюсь всѣми конституціонными средствами для уничтоженія демократической конституціи и введенія диктатуры.

Уже не въ военное время въ «дикой» Россіи, а среди полнаго міра въ самомъ центрѣ культурнѣйшей Европы передъ всѣмъ міромъ поставленъ коренной вопросъ: что же на самомъ дѣлѣ народовластіе есть только счетная машина или великая го-

сударственно-культурная цѣнность, существованіе которой неприкосновенно и ни отъ какихъ голосованій не зависитъ?!

Отъ того или другого отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ все будущее государственной культуры, культуры вообще.

Совершенно очевидно: содержание народовластия заключается не въ той или иной конституціи, не въ той или иной формѣ народнаго голосованія, не въ той или иной системѣ законодательства, не въ томъ или иномъ объемѣ правъ исполнительной власти, а въ самомъ принципѣ управленія государствомъ волей свободнаго народа и во имя свободнаго человѣка.

Исторически современные народоправства возникли въ борьбѣ съ наследственной единоличной властью. Ихъ конституціи отлично обезпечиваютъ народъ отъ государственныхъ переворотовъ сверху. Но сами то конституціи совершенно беззащитны отъ проникновенія въ самыя нѣдра демократической государственной машины анти-конституціонныхъ, отрицающихъ самое народовластіе партій.

Очевидно въ соотвѣтствіи съ нынѣшнимъ распределеніемъ друзей и враговъ народовластия, въ демократической системѣ управленія должны быть сдѣланы коренныя измѣненія, устраняющія возможность «использованія» демократическаго аппарата для уничтоженія демократіи.

**

Последнее замѣчаніе мимоходомъ, такъ какъ я не пишу сейчасъ какъ, а только что. Я хочу только бѣгло намѣтить, какія явленія послѣвоенной жизни повертываютъ Европу съ путей мирной, прилично-мѣщанской эволюціи и толкаютъ ее навстрѣчу какому-то новымъ временамъ, приближающимся среди общаго смущенія и смятенія.

Все до сихъ поръ мною мелькомъ и неполно отмѣченное свидѣтельствуетъ объ одной характерной особенноти нынѣшняго политическаго мышленія — это мышленіе чрезвычайно отстаеетъ отъ развивающихся событий, не улавливая во-время ихъ смысла и направленія. Я

имѣю въ виду, конечно, не мысли и прозрѣнія отдѣльныхъ людей, а ту коллективную мысль, которая вырабатывается въ политическихъ партіяхъ, профессиональныхъ организаціяхъ, въ учрежденіяхъ, руководящихъ промышленностью и финансами въ отдѣльныхъ странахъ и цѣлыхъ континентахъ. Классическимъ тому примѣромъ можетъ служить Лига Націй со всей ея сложной механикой всяческихъ собраній, совѣтовъ, съѣздовъ, комиссій, комитетовъ и т. д. Здѣсь государственные дѣятели, политики и финансисты самой отборной категоріи, собранные со всѣхъ концовъ свѣта, годами, но почти безъ всякаго результата, говорятъ о самыхъ острыхъ задачахъ современности, чувствуя всю срочность какихъ-то рѣшеній и не имѣя силъ ихъ найти или предложить. То же самое безсиліе встать вровень съ поставленными современностью задачами, проникнуться духомъ времени можно видѣть и въ дѣятельности — идеологической и практической — всѣхъ европейскихъ политическихъ партій, историческая задача коихъ противоборствовать напирющему съ обоихъ крайнихъ крыльевъ демагогическому безумію.

Партіи соціального консерватизма, во имя ненависти къ соціальной демократіи питающія и подстрекающія къ дѣйствию разнаго рода фашистовъ и гитлеровцевъ, проявляютъ еще меньше политическаго смысла и историческаго чутья, чѣмъ социалисты, неспособные идейно и практически въ понятныхъ для народныхъ низовъ формахъ отгородиться непроницаемой стѣной отъ большевизма и сродныхъ ему видовъ демагогической и соціальной реакціи.

* * *

Не останавливаясь опять-таки на конкретныхъ примѣрахъ, которые у всѣхъ на глазахъ, можно совершенно увѣренно утверждать, что сейчасъ вся политическая Европа — буржуазная и пролетарская, консервативная и радикальная — не признающая диктатуры меньшинства, какъ единосохраняющей и предохраненной формы государственнаго строя находится въ состояніи обороны, при чемъ часто даже пассивной, нейтрально наблюдая борьбу за власть новыхъ «героевъ» обывательской толпы и не знавшей довоеннаго быта молодежи.

До вчерашняго дня лучшій примѣръ такого без-

воля (абулія) традиційної демократії можна було на-блюдувати в Польщі, де вся хорошо організована і зріла політична нація — від ендековъ Романа Дмовскаго до П. П. С. Дашинскаго — була безсилою іграшкою в руках явно больного «героя», правящаго країною наперекоръ всякій політичеській логикѣ и сильнаго только творимой о немъ легендой. Сегодня мы присутствуемъ при зарожденіи «культы героя» в самой Германіи, де вся привычная механика партійныхъ взаимоотношеній в строго-парламентарномъ государствѣ чѣмъ то парализована. Политическій хаосъ — в странѣ исключительной общественной дисциплины! И даже в Англіи, де консервативное и рабочее правительства одинаково безсилны передъ все нарастающей безработицей, даже в Англіи, в странѣ классическаго и почвеннаго, коренного народовластія, раздался в печати, правда единичный, озорной, но весьма вліятельный голосъ, зыскающий «сильнаго челоувѣка» для спасенія гордыхъ своей свободой бриттовъ.

**

Очень легко этотъ параличъ формальной демократіи, эту идейно-политическую выхолощенность традиціонной политической западной культуры, — очень легко все это объяснить наступившей послѣ войны реакціей, «капиталистическою реакціей». Но вѣдь классическая реакція правящихъ верховъ всегда выражалась в подавленности, в бездѣйствіи, в уныніи народныхъ массъ. Классическая реакція правительствъ всегда выражалась в совершенномъ исчезновеніи со сцены жизни буйствующаго Ахеронта.

Теперь же — послѣ войны, послѣ совершеннаго ею соціального перепластованія движенія даже дѣйствительно замышленнаго на капиталистическихъ верхахъ, обязательно (что я уже подчеркивалъ выше), и, какъ бы, законообразно превращаются в волевые движенія массъ, втягивая в свой водоворотъ сотни и сотни тысячъ самыхъ доподлинныхъ пролетаріевъ.

Война не только начала собой новый циклъ исторіи міровой, а не европейской. Она кореннымъ образомъ видоизмѣнила и соціальную географію: сдѣлала ответственнымъ дѣйствующимъ лицомъ исторіи четвертое

сословіе — самое младшее сословіе труда. Перерожденной войной хозяйственной системъ — соответствует и перерожденный ею социальный состав хозяйствующаго человечества.

Новую структуру послѣвоеннаго общества впервые, если не осознала (что было тогда слишкомъ рано), то ярко почувствовала Россія въ семнадцатомъ году; почувствовала съ самаго начала революціи, задолго до октября выдвинувъ на первое мѣсто идею общественнаго хозяйства, поставивъ на первый планъ въ іерархіи социальныхъ цѣнностей — трудъ.

Ленинъ совершилъ контръ-революцію уже въ этихъ новыхъ по-революционныхъ социальныхъ рамкахъ. И поэтому онъ положилъ начало новаго типа реакціи: реакціи низовой, пролетарской, окрашенной социалью въ ультра-красные цвѣта.

Этотъ массовый, охлократическій характеръ вслѣдъ за Россіей носятъ по всей Европѣ, какъ коммунистическое, такъ и всѣ національ-фашистскія движенія. Характеризуя такую своеобразную низовую реакцію, можно говорить о чемъ угодно; нельзя только ставить знакъ равенства между нею и капитализмомъ; нельзя только не видѣть чрезвычайной практической активности и волевой напряженности, которую сейчасъ въ ирвосходной степени проявляютъ толпы, захваченныя диктаторіальными движеніями, несмотря на военное истощеніе (а, можетъ быть, именно благодаря новымъ душевнымъ ритмамъ, къ которымъ приучила людей война. Вообще, стремленіе весь военный опытъ, какъ досадное недоразумѣніе» исключить изъ строительныхъ матеріаловъ новаго общества, не есть ли величайшая слѣпота передовой — и, въ особенности, социальной демократіи?!).

**

...Такимъ образомъ, пребываніе всей демократіи въ нѣкоемъ идейномъ и волевомъ параличѣ никакъ нельзя объяснить успокоительной и усыпительной ссылкой на «безвременье капиталистической реакціи». Если гдѣ-то въ глубокихъ кулисахъ за Муссолини или Гитлеромъ и притаились нѣкія «акулы» капитализма, то онѣ совершенно затерты въ разливающимся моряхъ диктатуры мелкой, но мно-

гомильонной рыбешкой. Почему же вся эта плотва стадами плыветъ за «хищниками изъ враждебнаго класса»?

Очевидно, между идеологами и практическими вождями обыкновенной и соціальной демократіи съ одной стороны и новымъ послѣ-военнымъ типовымъ человѣкомъ — съ другой совсѣмъ нѣтъ како-то душевно-духовной смычки или она, во всякомъ случаѣ, крайне слаба и непрочна.

Почему? Мнѣ довольно часто и довольно много приходилось говорить съ тѣми весьма культурными, даже рафинированными, европейцами и американцами, которые изъ снобизма увлекаются большевизмомъ, даже сталинизмомъ.

Въ нѣкоторой степени они напоминаютъ нашихъ смѣловѣховцевъ перваго — да, пожалуй, и единственно стоившаго вниманія — призыва. Но, теоретическое смѣловѣховство западныхъ людей психологически естественнѣе и понятнѣе, такъ какъ на политическую рѣдку и соціальныи квасъ ленинизма они бросаются, пресыщенные своей подлинно- и высоко-капиталистической культурой, отравленные ея извращеніями.

Большевиствующіе салонные говоруны передаютъ, конечно, въ преувеличенномъ, нѣсколько карикатурномъ видѣ, настроенія характерныя вообще для всей западной - европейской и американской — литературной и соли-тической интеллигенціи.

Какъ это ни странно, но у интеллигентскихъ верховъ культурнѣйшей Европы есть нѣчто общее съ большевистскими низами «варварской» Россіи: первые уже не чувствуютъ великаго блага слишкомъ привычной и надѣвшаей Свободы, вторыя еще не ощущаютъ смысла свободы, къ которой не могли привыкнуть, такъ какъ нигде ея не имѣли.

И когда современные вожди демократіи по долгу, такъ такъ сказать, службы, защищаютъ основу народовластія, неприкосновенную свободу человѣческой личности, отъ натиска диктаторщиковъ, поклонниковъ волевого меньшинства — ихъ слушатели изъ массы, изъ толпы ясно ощущаютъ — простой низовой человѣкъ очень остро чувствуетъ всякую фальшь — ясно ощущаютъ, что свобода и всѣ прочія цѣнности демократіи у нихъ на кончикѣ языка, но не въ глубинѣ сердца. А

сколько имѣется сейчасъ въ Европѣ «демократическихъ» дѣятелей, которые если и способны еще кое-какъ защищать передъ толпой основы народовластія, то только, какъ основы режима «въ наибольшей степени соответствующаго классовымъ интересамъ пролетаріата»?!

Ну, а если пролетаріатъ безъ всякой демократіи можетъ стать господствующимъ въ государствѣ — то значить къ чорту всѣ эти «слонявые буржуазные пережитки»? — у нынѣшней обездушенной, механизированной, превращенной въ счетную избирательную машину демократіи нѣтъ на этотъ соблазнительный вопросъ убѣдительнаго, волевого, покоряющаго противника отвѣта.

Но если демократія только удобная машина для классовыхъ завоеваній, то споръ демократовъ съ диктаторщиками споръ только о цѣлесообразности. Тутъ послѣ-военная хозяйственная обстановка даетъ новые аргументы въ руки противниковъ народовластія. Плановность національнаго хозяйства требуетъ единаго плана. Единый планъ — единой воли. Такая воля не можетъ сосредоточиться въ формально всесильномъ, а фактически совершенно безсильномъ много-партийномъ парламентѣ. Ленинъ, — съ восхищеніемъ говорятъ большевистствующіе западные интеллигенты, — первый понялъ, что съ концомъ системы индивидуальнаго капиталистическаго хозяйства неизбежно наступаетъ ликвидація индивидуалистическаго парламентаризма, т. е. государственнаго строя, гдѣ и народное хозяйство и само государство приносятся въ жертву партийной борьбѣ частныхъ интересовъ.

На самомъ дѣлѣ, Ленинъ, какъ извѣстно, и народное хозяйство и государство подчинилъ интересамъ партіи, а партію сдѣлалъ орудіемъ господства комитетской олигархіи. Однако, «ошибка» въ исполненіи не нарушаетъ правильности основнаго задания: сосредоточенія всей государственной власти въ единомъ волевомъ центрѣ.

Ошибка Ленина исправилъ Муссолини. Аппаратъ диктатуры онъ оставилъ, только на мѣсто «волящей» идеи класса поставлена болѣе широкая, болѣе плодотворная — идея Государства.

Между молотомъ и наковальней двухъ диктатуръ — большевизма и фашизма — лежитъ обезволенная демократія. Случайность ли это? И можетъ ли кошмаръ диктатуръ исчезнуть изъ политическаго сознанія и государственнаго обихода культурнаго человѣчества, самъ собой, безъ волевого напряженія здоровыхъ творческихъ, — социальныхъ и государственныхъ — силъ?

Убѣжденъ, что нѣтъ. Ибо нужно признать: идеологи диктатуры поняли, что война положила конецъ существованію, какъ стараго нейтральнаго въ борьбѣ партійныхъ интересовъ государства, такъ и всей хозяйственной міровой системы, построенной на неограниченной и случайной игрѣ интересовъ частныхъ.

Въ этомъ заключается созвучіе диктатуръ съ духомъ новаго времени. И тутъ же раскрывается намъ тайна тяги къ нимъ новаго, рожденнаго войной типоваго человѣка.

Однако, несмотря на такую двойную смычку идеи диктатуры съ современностью — эта идея въ своемъ осуществленіи несетъ культурному міру не спасеніе и возрожденіе, а разрушеніе и смерть.

По своему анти-государственному прошлому, Ленинъ всю свою волевою энергію сосредоточилъ на проблемѣ хозяйства. Онъ поставилъ передъ міромъ вопросъ: возможно ли голымъ насиліемъ надъ человѣкомъ, возвратившись къ крѣпостничеству, превратить хозяйство индивидуалистическое въ хозяйство обобществленное (соціалистическое)?

Сталинъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ съ исчерпывающей убѣдительностью: нѣтъ, невозможно.

На мѣсто хозяйства получается хозяйственный погромъ. А сверхъ-государственная «классовая» диктатура, сбрасывающая со счетовъ живую личность человѣка, превращается въ перманентную, непрерывную гражданскую войну, разрушающую классовую базу самой диктатуры.

Муссолини поставилъ другой вопросъ: возможно ли всѣ соціальныя немощи и хозяйственныя неурядицы преодолѣть насильственнымъ уничтоженіемъ всѣхъ

классовыхъ противорѣчій, абсолютнымъ всемогуществомъ государства, экспроприрующаго всѣ политическія права гражданъ въ распоряженіе единого выразителя народной воли — «вождя».

Окончательнаго отвѣта на заданный Муссолини вопросъ еще нѣтъ. Но уже ясно — и гитлеровщина это еще разъ подтверждаетъ — что тамъ, гдѣ большевизмъ разлагаетъ войной гражданскою, тамъ фашизмъ — и всякій освобожденный отъ всѣхъ демократическихъ путей сверхъ-национализмъ — грозитъ войной внѣшней.

Получается нѣкоторый обманъ зрѣнія, или скорѣе ощущенія. Сейчасъ демократической Европѣ гитлеро-фашизмъ представляется опасностью самой острой, ибо эта опасность поблескиваетъ штыками у чужихъ границъ. А между тѣмъ, незамѣтная при дневномъ свѣтѣ подрывная работа большевизма неустанно разлагаетъ самые устои современной демократической государственности, пропитываетъ ядомъ социальной ненависти самые почвенные социальные слои.

Итакъ, самый опытъ диктатуръ свидѣтельствуетъ, что отъ нихъ міру спасеніе не придетъ. Однако, какъ это доказываетъ попятившаяся вспять къ предъвоеннымъ тревогамъ Европа, само собой безъ напряженія творческой воли ничто не выладится, не выправится. Разрушительный наѣсъ идеологовъ диктатуры притянетъ культурное человѣчество къ новой, и на этотъ разъ почти навѣрняка непоправимой, катастрофѣ.

Тревога, которая овладѣваетъ все больше Европой, будетъ спасительна въ томъ случаѣ, если вернетъ демократіи способность къ творчеству, волю къ дѣйствию.

Народовластіе, — сочетающее интересы государственнаго цѣлаго съ социальными потребностями составляющихъ его классовъ и съ неприкосновенными правами Человѣческой Личности, — должно быть заново утверждено въ сознаніи и въ волѣ новаго, рожденнаго войною чело-вѣка.

Но побѣдить силы распада демократія можетъ только — преобразенная, созвучная духу времени, со-

гласованная въ своей практикѣ съ потребностями новаго человѣка, новаго хозяйства и новаго государства.

Воля и вѣра — темпъ и ритмъ!

Бодрствующимъ сроки еще даны, но — краткіе!

Сейчасъ всей Европѣ слѣдовало бы вчитаться въ удивительныя строчки гениальнаго Тютчева, во-время непрочитанныя Россіей. — «Меня удивляетъ одно въ людяхъ мыслящихъ, что они еще недовольно вообще поражены апокалипсическими признаками приближающихся временъ. Этотъ таинственный міръ, быть можетъ цѣлый міръ ужаса, въ которомъ мы в д р у г ъ о ч у т и м с я , даже и не примѣтивъ этого перехода».

А. Керенскій.

28/29 сент. 1930.